

Старшая школа Сейрин. Начало апреля

Кагуя могла позволить себе поступить в любую старшую школу, в какую хотела и заниматься тем, чем хочется, но она, вопреки здравому смыслу, проследовала за Куроко и решила стать менеджером команды Сейрин.

Решение это было спонтанным. Вернувшись тогда домой, Гинши ещё долго пыталась проанализировать свой поступок, когда она попросилась стать менеджером. Однако, в конце концов, оказалось, что этот ее поступок был напрочь лишен здравого смысла — наверное, Кагуя просто заразилась энтузиазмом Куроко, как бы абсурдно это ни звучало о таком холодном и отстраненном человеке, как Тецуя. Кагуя была далека от баскетбола, ее он никогда не интересовал, как и спорт в принципе, поэтому сейчас ее поступок казался слегка поспешным. Даже зная правила, разве можно быть хорошим менеджером, не имея никакой заинтересованности?

Но с другой стороны — Куроко нужна поддержка. Он, после того, что произошло летом в третьем классе Тейко, отчаянно нуждался в человеке, который станет для него опорой. Хотя сейчас он и выбрал себе новый «свет», Кагами слишком слаб, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту в душе Тецуи целиком. Кагуя не может просто так бросить его.

Они ведь друзья.

Сегодня она впервые предстанет перед командой Сейрин как их менеджер. Немного волнительно, но на ее лице, почему-то, совсем никак не отображается — Кагуя никогда не умела выражать эмоции так, как остальные, поэтому большинство всегда думало, что ей на всё все равно. Как и не человек вовсе, совсем бесчувственная, но ведь у Гинши были чувства, значит она была живой, не роботом, не каменным изваянием. Просто не все умеют выражать эмоции. Она — не умела. Это делает ее хуже других?

Кто знает, но большинство людей считали это странным, в ней видели ненормальную, странную девушку, не могут же люди не выражать нормально эмоции, значит, она просто бесчувственная. И сердце у нее по мнению людей каменное...

К подобному отношению Кагуя заранее готовилась перед тем, как предстать перед баскетбольным клубом Сейрин — только несколько человек видели в ней обычного человека: ее подруги, баскетболисты Поколения Чудес и Куроко, поэтому Гинши не будет удивлена, если эти парни заранее отнесутся к ней, как и все — с подозрением, немного презрительно, к человеку, которому их, нормальных, никогда не понять.

— Выпрями спину, — от прикосновения холодного пальца к обнаженной коже шеи по телу пробежала волна мурашек. Кагуя вздрогнула и резко обернулась, глядя на уже успевшего переодеться в спортивную одежду Куроко. — Ты кажешься еще ниже, когда сутулишься.

— Прости, — неловко произнесла Гинши. Вот ведь, знает Куроко ещё со средней школы, а все равно такие выкрутасы от него пугают каждый раз, как в первый. И зачем он вообще подходит со спины...

— Ты волнуешься, — парень ткнул девушку пальцем в лоб, прямо в морщинку, пересекающую его. — Успокойся. Все будет хорошо.

— Я не волнуюсь, со мной все в порядке, — девушка в ответ махнула головой. — Я ни на что не надеюсь и ничего не жду.

— Я здесь.

Ладонь у Тецуи — неожиданно широкая, а ведь он совсем невысокого роста. Маленькая ладошка Кагуи почти утонула в его руке. Подумать только, раньше они были одного роста, но теперь все настолько изменилось... И когда он успел так вырасти? Они ведь выросли вместе.

«Я здесь» — он часто произносил эти слова, незаметный, быстро теряющийся из виду, ему постоянно приходилось напоминать о своем присутствии, но Кагуя ведь его видела: Куроко прямо рядом с ней, не исчез. Она не спрашивала, где он.

Девушка поняла, что Куроко обозначил свое присутствие ради ее поддержки, только когда они вдвоем, держась за руки, зашли в спортзал, что к удивлению не смогло не привлечь чужое внимание.

— Куроко, это что, твоя подружка?!

Удивленные возгласы прозвучали слишком громко, эхом отражаясь от стен слишком большого спортзала. Члены баскетбольного клуба окружили парня подобно стайке любопытных птиц. Они рассматривали Кагую с интересом и удивлением, словно дикуинку, и косились на Тецую: что он скажет?

— Мы друзья, — на спокойном лице парня не отразилось ни тени заинтересованности вопросом, а тон голоса был как всегда ровным, однако руку девушки он так и не отпустил.

— Вот бы мне таких друзей, чтобы за ручки так держаться, — разочарованно произнёс один из парней.

Ему в голову тут же прилетел, сбивая с ног, баскетбольный мяч:

— Хьюга-кун, тебе заняться нечем? — улыбающаяся Рико сейчас казалась безумно зловещей. Игроки на мгновение оторопели, расступаясь, на их лбах проступил холодный пот. — Вижу, вы уже познакомились. Гинши Кагуя-тян теперь будет нашим менеджером. Есть вопросы? — одна из рук тут же взметнулась вверх. Айда повернулась на рискнувшего: — да, Кога?

— Где вы откопали такую красотку?

Поднятый с пола мяч полетел в голову теперь уже напоминающему лицом кошку шатену. Кагуя даже бровью не повела — какая разница, она едва этого парня видит. Первый пострадавший, поправив сбитые мячом на бок очки, принял невозмутимый вид и протянул серебрявласой руку для рукопожатия:

— Приятно познакомиться. Хьюга Джунпей, капитан этой команды.

От слова «капитан» бросило в жар. Кагуя испуганно шарахнулась в сторону: на месте Хьюги вдруг представился Акаши — он тоже обычно был добр, даже улыбался, и разговаривал всегда вежливо... до того раза. Видя испуг девушки, капитан Сейрин опешил и отступил назад, в спортзале воцарилось неловкое молчание, такое гнетущее, будто на шеи всех присутствующих вдруг повесили тяжелый камень. Напряжение возрастало — никто не был в силах произнести ни слова. Кагуя сжала зубы, отводя глаза.

Кажется, она все испортила.

— Эй, а чего стоим? — дверь раскрылась. Переобуываясь на ходу, высокий слегка загорелый

парень недоуменно оглядел присутствующих.

Рико вспыхнула в гневе, снова беря в руки мяч:

— Ты опоздал на пятнадцать минут, Кагами!

— Я есть ходил!

Кагами? Гинши недоуменно повернулась в сторону парня — это тот самый Кагами, о котором говорил ей Куроко? Его новый «свет», замена Аомине... Нет, не замена — тот человек, который снова побудил Тецуя заняться баскетболом, который он успел возненавидеть. Так вот, значит, каков он...

— Опоздать в свой первый официальный день в команде... — баскетболисты зашептались. — Да он смертник.

— Тренер оставляет в покое только покойников, — произнес черноволосый парень с видом, полным гордости, за что Хьюга тут же окатил его неодобрительным:

— Заткнись, Изуки.

Какие они все... Идиоты.

Почему-то это была первая мысль, которая пронеслась в голове Кагуи, неуверенность, испытанная перед приходом в это место куда-то улетучилась, и ее заменило лёгкое раздражение — что они вытворяют? Разве это похоже на поведение взрослых людей? Поведение тренера все больше и больше казалось Гинши уместным — а как еще ей нужно было разговаривать с этим тупым стадом? Они же все поголовно...

Странные.

И за раздражением вдруг пришло спокойствие — если они странные, то, возможно, ее не будут настолько сильно допекать, как Кагуе казалось изначально. Возможно, она сможет прижиться здесь как менеджер. То изначально необдуманное решение, за которое девушка после корила себя, теперь казалось ей не настолько глупым, как изначально, до входа в спортзал.

— Кагуя-сан, — голос Куроко совсем рядом, у левого уха, заставил вздрогнуть. Кажется, она слишком увлеклась наблюдением за своей новой командой, что совсем забыла о его присутствии. — Я здесь.

— Я знаю, — девушка сжала его ладонь чуть крепче. Как же хорошо, что она последовала за Тецуей в эту школу. — Спасибо.

Начало ноября. Стадион.

Вместе со временем, остановленным на игре Сейрин против Кирисаки Дайичи из-за непредвиденных обстоятельств, казалось, замерло и все остальное. В уголках век задрожали кристаллики слез, уши заложило так, что Кагуя не слышала даже собственного, непривычно громкого для нее крика:

— Киёши-семпай!

Странно, когда последний раз Гинши так себя чувствовала, что от неприятного покалывающего в груди чувства хотелось рыдать? Девушка даже не могла вспомнить, плакала ли она в детстве.

Все те игроки Сейрин, что были на площадке, ринулись к лежащему неподвижно на паркете Киеши, чье тело было испещрено багровыми и темно-пурпурными синяками, оставленными ударами противника — Кирисаки Дайичи отвратительно, грязно играют, позволяя себе калечить игроков противоположной команды, даже больше: делая это с особым удовольствием! Хьюга кричал что-то в лицо усмехающемуся Ханамии Макото, а тот удачно строил дурачка, списывая все происходящее на случайность. Как тошнотворно. Горячие горькие слезы, текущие по щекам, кажется, были уже не от печали, а от захлестывающего гнева.

Стало стыдно: Кагуе не хотелось, чтобы кто-то смотрел как она сидит и перед всеми рыдает. Даже сейчас со слезами на глазах ей все ещё казалось, что ее лицо совсем не изменилось — все такое же безжизненное. Наверное, только глаза покраснели совсем капельку — все же, когда плачешь, это нормальная реакция на избыточность жидкости. Ногти в сжатых кулаках глубоко, до боли вонзились в ладони, но Гинши этого не чувствовала.

Сейчас ей было так обидно, столько злости скопилось на душе, что хотелось разорвать Ханамию на части. Сердце билось оглушительно-громко, неровно, болезненно.

И именно тогда, когда девушка готова была сойти с ума от ярости, Киеши вдруг поднялся на ноги. С его разбитого лба тонкой струйкой сочилась кровь, а на лице не было и тени прежней доброжелательной улыбки, только холодная бронза в карих глазах и сведенные к переносице брови. На душе стало ещё грустнее от вида такого семпая, которого Кагуя до этого не видела.

Они были знакомы с Киеши Теппеем совсем недавно, однако, то тепло, которое разливалось по сердцу девушки от каждой его улыбки, то желание улыбнуться в ответ и горечь от того, что даже улыбнувшись, она все равно будет похожа на ледяную статую, та благодарность, которую девушка испытывала каждый раз, когда осознавала, что семпай... Нет, все игроки в Сейрин принимают ее вот такую, холодную непроницаемую каменную глыбу — все эти чувства заставляли Гинши испытывать к нему глубокую привязанность, такую, какую, пожалуй, в Тейко она испытывала лишь к Куроко и девочкам.

«Я всегда буду стоять стеной на защите игроков Сейрин» — его слова, горячие, произнесенные громко чуть хриловатым голосом прогремели в ушах у Кагуи барабанным боем, заставляя прийти в себя от оцепенения. Мягкий, добрый, хороший советчик и чуткий семпай, сейчас Киеши Теппей представал перед девушкой в совершенно ином свете. Он был согласен принести себя в жертву ради остальных игроков, ему было все равно, сколько раз его ранят, если не пострадают другие.

Киеши — сердце и опора команды — любил весь баскетбольный клуб: и новичков, и второгодок, до самозабвения. Попросту не задумываясь о том, что те, кого любит он, могут ответить на его чувства с той же силой. Это поражало до глубины души, наверное, более искреннего человека, чем Киеши-смпай, Кагуя никогда не видела. И от того еще больше была волна негодования при мысли, что такие, как Ханамия, без зазрения совести топчутся на его искренности, делая ее его слабостью. Ведь быть по-настоящему искренним человеком так тяжело, почти невозможно.

Сирена, оповещающая об окончании второй четверти, дала небольшую передышку. После короткого разговора с Ханамией Куроко приблизился к скамейке запасных сам не свой, и не он один — все были на взводе. Кагами порывался пойти и врезать Макото по его заносчивой

морде, и Кагуя даже похвалила бы его, если бы он это сделал, но не сейчас. Не ценой дисквалификации, а такие люди, как Ханамия, только этого и ждут, специально провоцируя.

Уже в раздевалке в стены полетели скамейки — Кагами не мог сдержать гнева. Его пыл ударом по голове остудила Рико, парень повозмущался, но сел. Семпай и остальные первогодки пытались помочь побитому Киеши, Куроко же просто сидел в стороне и молчал, глядя в пустоту. На первый взгляд он был спокоен, и только взглядевшись, как следует, в его лицо, можно было понять, какой пожар гнева пылал в душе этого тихого парня. Кагуя понимала — она точно так же, как и Тецуя, не могла выражать свои эмоции явно, хотя сердце горело адским пламенем.

Было горько — сейчас Кагуя мало могла сделать для остальных, она тоже в не меньшем гневе. Будь ее воля, то Гинши сама бы дала Ханамии по его наглой физиономии. Жаль только, сил маловато, она ведь не Рико с ее приемами самообороны... Оставалось лишь тихо бушевать в душе, глядя на разозленную команду, и пытаться успокоиться. Игрокам бы тоже сейчас холодную голову, особенно Куроко. Со злости можно надеть глупостей в игре.

— Давайте лучше успокоимся, — собственный голос показался раздражительнее, чем планировалось.

Кагами посмотрел на нее, словно на врага народа, в его глазах пылало пламя праведного гнева, который он выплескивал на все, что попадалось под руку, не в силах сдержать.

— Да все спокойны! — он кричал на всю раздевалку. Гинши вздрогнула, отступая назад: наверное, ей стоило молчать, но она снова не смогла удержаться. Глупая. — Я гляжу, ты спокойнее всех!

— Не кричи на нее! — еще один отрезвляющий удар от Рико на его многострадальную голову.

— Нет, я не спокойна, — резко произнесла Кагуя, снова сжимая кулаки. — Но наша злость сейчас сыграет им только на руку, ты этого не понимаешь? Они ждут, что мы станем играть неосторожно, бездумно, потеряем контроль, а если тебя еще и дисквалифицируют, для нашей команды это будет конец. Тогда выходит, семпай пострадал просто так! Нам нужно взять себя в руки, если мы хотим растоптать этих гадов!

Голос дрожал. Ну вот, кажется, она опять сейчас заплачет, как ребенок, не в силах сдержаться. Плачущая фарфоровая кукла с безжизненным выражением лица — наверное, это выглядит со стороны странно, нелепо, некрасиво, даже смешно. Нечто в груди болезненно ноет, заставляя задыхаться от собственной бесполезности и нелепости своего поведения: Кагуя только что говорила, что истерикой ничего не добиться, и сама же сорвалась, разве это поведение разумного, взрослого человека?

— Кагуя-тян, — Рико почти толкнула ее в спину ладонями: — Можешь принести Теппею еще льда?

Девушка хотела возразить — было почти очевидно, что от нее сейчас пытались избавиться, но, обернувшись, просто не смогла подобрать слова. Лицо тренера было спокойным, вот только, дрожащие руки, трепещущие ресницы и сжатые в тонкую линию губы выдавали ее не остывающий гнев и волнение.

Кагуя не нашла, что сказать, и просто промолчала — в данной ситуации это самый разумный выход. Если то, что она принесет лёд, хоть немного поможет, то она готова была пойти за ним хоть на край света. Последний брошенный взгляд — на продолжающего улыбаться и

благодарить товарищей по команде за помощь Киеши-семпая — и девушка вышла из раздевалки, тяжело дыша.

Какое же это ужасное зрелище.

— Эй, — грубый, немного ленивый, но такой знакомый голос заставил обернуться. — Как там тебя?

— Гинши Кагуя, — этот парень до сих пор не запомнил ее имя, вот ведь. Кагуя обернулась, вскидывая голову: по-другому посмотреть на лицо Аомине Дайки не получалось. — Какими судьбами?

Гинши почему-то не думала увидеть Аомине на игре, вряд ли бы он просто так взял, захотел и пришёл, скорее всего его заставили — Дайки слишком ленив, чтобы посещать чужие игры по своему собственному желанию, и мотивации у него никакой нет, парень ведь свято верит, что он — сильнейший.

Ас Поколения Чудес в ответ красноречиво зевнул — вместо тысячи слов — и перевел тему:

— Насчет Тецу. Когда он уходил с площадки, он был в бешенстве.

— Да, я знаю, — Кагуя хмыкнула. Сейчас, на остывшую голову, было куда легче говорить. — Хочешь с ним увидеться?

— Я ему не нужен, — хмыкнул парень без особых эмоций, убирая руки в карманы форменных брюк. — Поддержка... Это не моя забота.

— Тогда зачем спрашиваешь? — менеджер Сейрин сложила руки на груди: если сейчас Аомине посмеет сказать, что задал вопрос просто из интереса, она его обязательно треснет чем-нибудь тяжелым, чтобы не повадно было.

Однако, ее вопрос снова был проигнорирован: Дайки лениво потянулся, глядя на Кагую с высоты своего роста:

— Эти скоты еще успеют пожалеть, что разозлили Тецу. Так что не трать нервы.

Ого, неужели, сам Аомине Дайки попытался ее поддержать. Кагуя хмыкнула — ну, от его слов был хоть какой-то толк, так что теперь треснуть его не особо хотелось. Его негромкий, чуть хриплый мужественный ленивый голос помог привести мысли в порядок и окончательно остыть. И верно, что толка беситься, если сейчас сделать ничего уже нельзя? Остается лишь преодолеть все и одержать победу над Кирисаки Дайичи. Не злиться. Просто доказать, что честная игра куда лучше подобных методов.

— Ты сейчас напрашиваешься на благодарность? — голос больше не дрожал, лишь в горле немного першило от недавнего срыва. Гинши снова говорила спокойно, как всегда, и как всегда без малейших эмоций.

Аомине хмыкнул, но не усмехнулся, как всегда, а просто отвел взгляд в сторону:

— «Спасибо» в карман не положишь. Я просто не могу смотреть, когда девушка плачет.

— А ты все-таки не настолько черствый. Удачи с Сакурамори, — больше терять время она не могла.

Кагуя пробежала мимо парня быстро настолько, насколько могла. Она не увидела, как он мягко, едва заметно улыбнулся, не услышала тихого полусшепота:

— «Удачи», да? В моем случае, одной удачи будет маловато.

Не видела она и того, как парень возвратился к своей команде, сидящей на трибунах, и бессильно свалился в кресло, пропуская мимо ушей возмущенные тирады Вакамацу о том, сколько можно находиться в туалете. Его ли дело, как долго Аомине сыт?

— Ну, а мало ли, чем ты там занимался, — вдруг произнёс Мизуки Акира, сразу же получив по голове. Дайки лишь хмыкнул: даже если он там удава душил, кому какое дело?

— Какая гадость, и не стыдно вам такое обсуждать, — Ханako тут же отодвинулась от получившего от неё же по голове Акиры.

Аомине покосился на девушку: сказать ей, или нет, о том, что они говорили с Гинши? Наверное, Сакурамори будет интересно услышать о своей подруге, она же за них переживает, да и сама видела, как Кагуя плакала. Наверное, стоит все же ее успокоить. Как парень и сказал до этого, смотреть на плачущую девушку он не мог даже тогда, когда однажды сам уже становился причиной слез.

— Она в порядке, — слова, произнесенные так, чтобы только Ханako могла услышать и понять их. — Выше нос. Тецу никогда не проиграет тем, кто его разозлил.

Со стороны блондинки послышался лишь вздох — она даже не обернулась. Аомине закатил глаза и вновь зевнул, глядя на горящее табло. Перерыв уже заканчивается, скоро начнется третья четверть игры Сейрин с Кирисаки Дайичи. Для него исход игры был уже предreshен — он не поверит своим глазам, если Сейрин вдруг сольются и проиграют.

Не тогда, когда Тецу в ярости.

Команды вышли на поле. Киеши, к удивлению, не заменили — с обработанными ссадинами и синяками, с пластырем на лбу он вышел на поле. Кагуя заняла свое место рядом с Рико, уже спокойная, собранная.

«Когда я поступала в эту школу, то делала это только ради тебя, Куроко. Хотя, скорее, мне стоит сказать «ради себя» — ведь когда ты рядом, я чувствую, что становлюсь сильнее духом. Ты всегда рядом, и всегда поддерживаешь из тени. Знаешь, до этого я была так эгоистична, что не пыталась помочь тебе, когда тебе становилось плохо. Я думала, что просто не могу это сделать, но на самом деле... Знаешь, ты, и вся остальная команда, можете злиться, выражать недовольство, грустить сколько угодно. И столько, сколько захочешь, раз, я скажу тебе, и всей команде помимо тебя, включая Киеши-семпая, Кагами, даже капитана Хьюгу: «Я здесь» — то, что ты всегда говорил мне. Вы можете испытывать любые эмоции, а я постараюсь остаться с холодной головой, чтобы сколько угодно раз помочь вам успокоиться».